

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Когда песчаная
буря становится
свинцовой

МИХАИЛ ПОГОСОВ
ЭЛЬЗА ДАВТЯН

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Михаил Погосов
Сирийский капкан

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погосов М. Е.

Сирийский капкан / М. Е. Погосов — «Эксмо», 2022 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-165497-9

Новый роман признанных мастеров военного жанра. Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров – локальная война, как она есть на самом деле. Подлинность событий современной истории. В разгар военного конфликта в Сирии пропадают без вести брат и сестра, французские представители Красного Креста. Их родители давно погибли, из ныне живущих родственников остался только дед Олег Валентинович, очень влиятельный во Франции человек. Он обращается к французскому правительству с просьбой помочь отыскать внуков. Но ему отказывают. Тогда Олег Валентинович идет на отчаянный шаг и просит помощи у российской стороны. Здесь ему обещают неофициальное содействие. В охваченную войной страну направляется группа русского спецназа, готовая к самым неожиданным поворотам событий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165497-9

© Погосов М. Е., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Михаил Погосов, Эльза Давтян

Сирийский капкан

© Погосов М. Е., Давтян Э. С., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Москва. 2014 год

Между двумя соседними могилами стояла большая береза. Никто не знал, кто и когда ее сюда посадил. С весны и до поздней осени она красиво склонялась над землей и становилась естественным зеленым шатром, «оберегая» покой усопших. Егор отворил маленькую железную кованую калитку. Он подошел к могильному камню и, присев на корточки, убрал засохший букет.

– Ну, здравствуй! Прости, что давно не приходил. Командировка... очередная, понимаешь?!

Мужчина достал из-за гранитного надгробия сложенную тряпочку и тщательно протер холодный камень. Могила всегда была ухоженной – ему нравилось тут «наводить порядок».

Весна в этом году хоть и была ранней по московским меркам и снег везде растаял, но все равно было холодно, мокро, грязно. Егор развернул вошеную бумагу со свежими желтыми розами – ее любимые цветы – и поставил их в небольшую каменную вазу у изголовья. Он еще немного посидел на скамейке между могилами, которую установил кто-то из родственников похороненного в соседней могиле человека. Егор долго, почти шепотом разговаривал с ней, рассказал все последние новости, в очередной бесчисленный раз повторил, как сильно скучает...

В первое время мужчина приходил сюда почти ежедневно. Потом через день, потом через три, потом...

– Здравствуй, дорогой! – услышал Егор за спиной приветливый голос Алишера.

– Привет! – поздоровался он с работником кладбища.

– Все хорошо?! Давно ты не приходил. Я думал, может, заболел! Но не беспокойся, я, видишь, тут все убрал, все почистил.

– Спасибо тебе.

В нагрудном кармане куртки Егора вот уже несколько минут вибрировал мобильник. Сейчас ему совершенно не хотелось ни с кем разговаривать, и он достал маленький кнопочный телефон, чтобы сбросить вызов, но, увидев высветившийся на дисплее номер, понял, что лучше ответить.

– Слушаю! Да. Буду через час. Ясно! Во сколько вылет?

Он еще минуту постоял, затем нежно провел рукой по фотографии на камне.

– Прости, мне пора.

Пара шагов назад – и Егор оказался уже за оградой.

– Алишер, меня не будет какое-то время. Пригляди тут за могилой... и цветы поменяй, когда эти завянут... Ну, в общем, ты сам все знаешь.

Егор достал из кармана купюру, протянул ее исполнителю таджику и, не оборачиваясь, пошел в сторону машины.

Россия. Северный Кавказ

Над небольшим селом поднимался сырой утренний туман. В горах рассвет всегда холодный, даже если днем было тепло. У Егора затекло все тело. Вот уже несколько часов они, не

шевелилась, на пару со своим боевым товарищем Голиафом, лежали за большими валунами в засаде. Расстояние между ними было приличное, рассчитанное по принципу «ножниц» для стрельбы по предполагаемому противнику. В маскхалатах, обложенные со всех сторон мхом, с тщательно замаскированными «веслами»¹, они не могли себе позволить даже пошевелиться. Прямо перед Егором на расстоянии в пару метров за стебелек цветка зацепилась какая-то веточка, очевидно, принесенная ночным ветром. Она назойливо колыхалась на ветру. У Егора от этого постоянного покачивания чертовой веточки нервы были уже на пределе. Но ни отодвинуться, ни убрать ее он не мог.

– Профессионал хренов, все рассчитал, а ветку не учел, – проворчал он про себя.

Задание было очень важным. Наши давно уже безуспешно охотились за этим типом. Он вербовал для боевиков пополнение в разных странах, в основном в Средней Азии. Несколько раз «заезжал» к нам на Кавказ. Но выследить его никак не удавалось. Наконец с большим трудом контрразведка с помощью внедренных в стан противника агентов сумела выйти на него. Ребята с ночи засели на окраине горного дагестанского села.

Снайперы контролировали выходы из указанного оперативниками дома. Было раннее утро – самый сложный момент в операции. Ночные приборы уже не действовали, а воздух по-прежнему не был до конца прозрачным.

Егор еще раз внимательно оглядел прилегающие к нужному дому улицы и дворы. Хоть в деревнях и вставали рано, но пока никакой активности не наблюдалось. Тишину нарушало только веселое, громкое щебетание птиц, очевидно, приветствующих приход весны.

– Он вообще здесь? – послышался в наушнике голос Голиафа.

– Если верить разведке, здесь, – спокойно ответил Егор своему стрелку.

Голиаф находился в четырехстах метрах справа от него и нервно поглядывал на часы.

– Скоро стада овец пойдут с собаками. Нас точно раскроют, начальник, – предупредил он.

– Хватит меня уже начальником называть! – сдержанно отреагировал Егор. Его раздражало это неуставное словечко – обращение из жаргона воров и их антагонистов. А Голиафа, наоборот, веселило, когда ему удавалось «пробить» броню спокойствия и уверенности, присутствующих его командиру.

– А кто ты еще?! Начальник, он и есть начальник! – с усмешкой сказал стрелок. – Так что делать будем? Засекут нас, как пить дать!

– Не засекут. Собаки нас не учуют. После такой-то обработки этой вонючей мазью... Не зря я Димку заставил из Германии самую лучшую привезти. Двести евро за нее отдал, – с досадой произнес Егор.

– И чего это наши не додумаются такую же сделать? От нашей одни только бабы шарахаются. А немецкая – сила! Натерся, и все – ни одна сука неделю не подойдет! – проворчал Голиаф.

– Так у немцев опыт какой! Они на этих овчарках собаку съели! – усмехнулся каламбуру Егор.

– И что мы за люди такие! Полночи сидим, и каждое второе слово – то сука, то собака, то овчарка... то немцы.

– Ща, как объект наш увидишь, так поймешь, что собаки намного лучше.

– И сколько нам еще сидеть? А если он вообще сегодня не выйдет?

– Сидим до последнего, – немного помедлив, приказал Егор. – И еще. Палиться нам никак нельзя. Они в гостях у человека, который вынужденно пошел с нашими на контакт. Раскроют нас – завалят его со всей семьей сразу, для профилактики...

– Вижу движение, начальник! – перебил напарника Голиаф.

¹ Винтовка «СВД» – жарг. Здесь и далее прим. автора.

Егор посмотрел в прицел и увидел, как в нужном им дворе открылись зеленые деревянные ворота. Из них выехал синий джип с затемненными стеклами и двинулся по грунтовой дороге в сторону границы с соседней республикой. Водительское стекло автомобиля было припущено, и Егор неплохо разглядел водителя в кепке и молодого бородатого пассажира в военной форме, расположившегося на переднем сиденье.

– Стреляем по готовности. Мой – правый!

Через пару секунд, практически синхронно, ребята из засады произвели по одному выстрелу. Сидевшие на переднем сиденье боевики дернулись и откинулись на руль и разбитое боковое стекло. Машина проехала еще метров пятьдесят и уперлась в обочину. Задние двери резко распахнулись, и из джипа выскочили еще два боевика. Один из них, высокий темно-волосый крепыш, успел несколько раз выстрелить в сторону Егора, прежде чем его настигла пуля Голиафа. Второй мужчина был постарше и посolidнее других. Целью сегодняшней охоты являлся именно он. Боевик вытащил из машины упирающуюся девочку лет двенадцати в синем платье и, прикрываясь ею, как щитом, стал палить из автомата в направлении стрелявших. Мужик перебежками пытался отступить к дому, откуда они только что выехали. Худенькая темноволосая заложница плакала и пыталась вырваться из крепко схвативших ее рук, чем только злила боевика. Мужчина крепко держал ее перед собой и грубо толкал, что-то громко выкрикивая, но из-за приличного расстояния Егор не мог его расслышать. Он никак не мог прицелиться в террориста, так как ребенок все время двигался, пытаясь отцепить от себя руку мужчины и не давая возможности стрелку захватить и удержать объект в прицеле. Внимание Егора отвлекло какое-то движение со стороны дома. Он быстро перевел взгляд в ту сторону, и его прошиб холодный пот. Из деревянных ворот, держа автомат в руках, выбежал, по всей вероятности, отец девочки и бросился на помощь своему ребенку. Но боевик опередил его и точным выстрелом ранил мужчину в бок. Раненый упал на одно колено и тяжело поднял автомат. Превозмогая сильную боль, он прицелился в боевика, но выстрелить не рискнул – понимал, что может попасть в девочку. От бессилия мужчина опустил оружие и стал заламывать руки. Тем временем у боевика заклинило автомат. Крепко выругавшись, он отбросил его в сторону и достал из кармана пистолет. Бандит приставил оружие к голове девочки и стал что-то кричать ее отцу, возбуждаясь все больше и больше. Несчастный мужчина стал отвечать и просить бандита отпустить заложницу, но тот вдруг вскинул руку и выстрелил, ранив отца еще и в плечо. Бедная девочка, и так напуганная до полусмерти, увидев, что ее родной человек истекает кровью, резко дернулась, освободилась от руки стрелявшего и бросилась к отцу.

– Папа! Папа! Не умирай!

Боевик этого никак не ожидал и на секунду полностью открылся. И снайпер наверху не преминул этим воспользоваться. Егор молниеносно нажал на спусковой крючок, и его пуля нашла свою жертву. Но за долю секунды до смертельного ранения озверевший бандит выстрелил в спину бежавшей к отцу девочки. Раненый отец увидел, как его дочь упала. Он в отчаянии замер и ждал, когда девочка сделает хоть какое-нибудь движение, но она больше не подавала признаков жизни. Несчастный издал нечеловеческий рык. Воя и проклиная все и всех на свете, он пополз в ее сторону. Но девочке уже ничем нельзя было помочь – пуля попала ей прямо в сердце. Из дома с криками и плачем выбежали несколько женщин, которые наверняка наблюдали за происходящим на улице из окон, и со всех ног бросились на помощь ребенку...

Сирия. Кесаб

Снаряд, выпущенный из гранатомета, разорвался совсем рядом с баррикадой, наскоро сооруженной из подручных средств.

– Отец! – закричал молодой человек лет двадцати и побежал в ту сторону.

– Не надо! Не надо тебе это видеть! – остановил его Арам. – От него мало что осталось. – Он кивнул в сторону окровавленных останков их товарища.

Арам прижал к себе рыдающего сына дяди Аршо. Юноша пытался вырваться из объятий, но крепкие руки ему этого не позволяли. У самого Арама в глазах стояли слезы, а на скулах ходили желваки: «Сколько же еще это будет продолжаться?»

– Арам, нам раны нечем перевязывать! Все закончилось! – подбежал к ним Доктор, как называли ополченцы Бедроса – студента мединститута из Дамаска, пару дней назад прорвавшегося в город для помощи своим родным и близким. «Работы» тут у него было сверх меры. Руки и одежда Доктора были перепачканы кровью.

– У нас в подвале целая коробка бинтов должна быть. Я быстро, – взглядом Арам указал на юношу, крепко прижавшегося к нему, и Бедрос, приобняв, повел его в сторону от останков отца.

Арам, воспользовавшись передышкой в бою, побежал по дорожке, ведущей прямо к его дому. Это было совсем близко. Он миновал раньше всегда ухоженный зеленый газон, на котором до сих пор стояли детские качели и песочница его детей. Быстро свернул с мостовой на песчаную дорожку. Увидев свой дом, мужчина горько усмехнулся. Это был один из самых красивых домов Кесаба. Он сам его спроектировал, впрочем, как и еще многие постройки в их городе. Ведь по профессии Арам был архитектором. Он поставил автомат на предохранитель, перекинул его уже ставшим привычным движением за плечо, забежал в дом и, держась одной рукой за стену, спустился в подвал. Электричества в городе уже давно не было. Когда Арам с коробкой бинтов был у самого выхода из подвала, ему показалось, что в доме кто-то разговаривает. Это удивило ополченца! Он был абсолютно уверен, что его семья покинула город с остальными беженцами. Хозяин дома поставил коробку на пол и, вскинув автомат, потихоньку приоткрыл дверь в комнату.

– Аствац!² Почему вы все еще здесь? Я же велел вам уходить вместе с семьей Меружана! – в ужасе воскликнул он, увидя в комнате жену, детей и свояченицу. – Ты что, не понимаешь, что они с вами сделают? Хоть о детях подумала бы!

– Ты жив! Слава Богу! – радостно воскликнула красавица Ашхен. – Прости меня, прости! Мне было так страшно! Я даже не знала, жив ли ты! – кинулась она к мужу.

– Дура! Какая разница – жив или нет! Детей надо спасать! Быстро бегите в церковь! Оттуда с минуты на минуту будут всех эвакуировать! – оттолкнул Арам от себя жену.

Он опустился на колени, обнял детей.

– Запомни, ты – мужчина! – твердо сказал он своему маленькому сыну. – Что бы ни случилось со мной... с нами – идите в Бейрут, к дедушке. Ты понял меня?! И позаботься о сестре!

Арам перевел взгляд на свою маленькую дочурку, дотронулся до ее замечательных пружинистых кудряшек, и на его глазах появились едва заметные слезы.

– Вы армяне, помните об этом! Никогда не забывайте вашей фамилии! Вы – Таниеляны! Таниеляны!

Услышав звуки возобновившегося боя, отец быстро обнял сына и дочь, с досадой посмотрел на жену и, махнув рукой, выбежал из дому.

– Арам! Арам! Подожди! – Ашхен устремила след за мужем. – Прости меня! Не уходи так! Я все... все сделаю, как ты сказал!

Она подбежала к Араму. Тот схватил ее в охапку, заглянул в любимые бездонные темно-зеленые глаза и крепко прижал к себе.

– Прости! Я просто очень... очень люблю вас! А сейчас – беги! Спасай детей!

И тут, слишком поздно, он услышал характерный свист артиллерийской мины! Рядом с ними, прямо на их зеленую лужайку, где они всей семьей любили поиграть, погонять мяч, упал снаряд, выпущенный из миномета. И унес жизни обоих. За происходящим с ужасом наблюдал

² Господи! (арм.)

семилетний Вазген, названный так в честь дедушки. Он побежал вслед за плачущей матерью и увидел страшную гибель своих родителей. Мальчик дико закричал! Он хотел броситься к ним, но малышка буквально перехватила на бегу выскочившая следом из дома тетя. Мариам схватила ребенка за руки и крепко прижала к себе, стараясь спрятать его глаза, не дать увидеть окровавленные родительские тела.

– Куда ты?! Туда нельзя, Вазген-джан, нельзя! Нет, нет, нет, Вазген-джан! Не надо! Не смотри!

Вазген, захлебываясь от слез и не в силах от горя что-либо произнести, продолжал вырываться из рук тети. Мариам, сама того не желая, посмотрела в сторону лужайки, куда он так отчаянно рвался, и похолодела от ужаса.

В дверях дома появилась маленькая Армине. Она застыла, увидев окровавленные тела, кажется, не понимая до конца, что произошло. Мариам, увидев племянницу и ее остекленевший взгляд, громко завывала и бросилась к девочке, не выпуская из рук Вазгена. Она встала на колени и, крепко прижав к себе сирот, стала, как маятник, раскачиваться из стороны в сторону, рыдая от горя и отчаяния.

Вдруг Мариам как будто очнулась. Понимая, что дети остались на ее попечении и времени у них совсем нет, она взяла себя в руки:

– Дети, вставайте! Нам надо идти, надо идти быстрее в церковь, в церковь, слышите?! Вазген, Армине, принесите ту синюю сумку и быстро бежим! Я только возьму на кухне воды.

Вазген как будто не слышал этих слов. Он продолжал завороченно смотреть в сторону лужайки, не в силах пошевелиться.

Мариам встряхнула его за плечо.

– Вазген! Вазген-джан, вспомни, что сказал отец! Думай о сестре!

Слова тети вывели мальчика из оцепенения. Он схватил сестренку за руку, и они побежали в комнату за сумкой с документами и вещами, собранными матерью.

В эту секунду раздался новый зловещий свист и уже другой снаряд упал на дом, почти полностью разрушив его. Мариам погибла сразу от ранения в голову. Дети же чудом не пострадали – получили только несколько глубоких царапин и ссадин. Сильно кашляя, они выкарабкались из-под обломков второго этажа и, с трудом ориентируясь в густом облаке пыли, стали ползти по груде камней, пытаясь вылезти наружу. Увидев тело тети, Вазген моментально все понял – во время войны дети быстро взрослеют. Он крепко прижал к себе сестру и прерывающимся от слез голосом повторил как заклинание:

– Запомни, если что-нибудь со мной случится, иди в Бейрут! Там наш дедушка! Запомни, Армине, ты армянка! Наша фамилия Таниелян! Найди нашего дедушку Вазгена!

Девочка послушно кивнула и, тряхнув веселыми кудряшками, прижалась к брату.

– Десятый, как слышишь? Прием? – раздался резкий голос в наушнике.

– Первый, слышу вас хорошо! – ответил пилот, ожидая приказ.

– До цели двенадцать минут. Как поняли?

– Понял вас, до цели двенадцать минут, – отрапортовал летчик.

– Цель в квадрате восемь. Эвакуация гражданских завершена. Поддай им жару, Иссам! – в почти автоматическом голосе появились человеческие нотки.

– Слушаюсь, командир! Конец связи.

Иссам Салим, молодой летчик ВВС Сирии, повел свой старенький СУ-24МК на снижение, пристально вглядываясь в горизонт. Салим знал, что искать! Он точно знал, что в квадрате восемь находится армянская церковь Кесаба. Иссам вспомнил, как любил гостить тут у своего лучшего друга Норайра, с которым учился в летном училище. После окончания учебного заведения их и распределили в один летный отряд, в 819-ю эскадрилью на базу Тияс, что рядом с Хомсом. Пару месяцев назад его друг погиб в бою, сбитый турецкими ПВО. Что

стало с его родными, Иссам не знал. И теперь он должен будет нанести ракетный удар по этому всегда гостеприимному, красивому городу, по их святыне. Но другого выхода просто не было. Наступление боевиков на город нужно было остановить любой ценой.

В районе церкви тем временем шел ожесточенный бой. Хорошо вооруженные отряды боевиков продолжали наступление с турецкой стороны. Бой шел за каждый дом, за каждую улицу. Солдаты сирийской армии вместе с местными отрядами самообороны несли огромные потери. Всю ночь они изо всех сил пытались сдержать атаку противника, но силы были неравны. К утру положение стало просто отчаянным.

Сегодня капитану сирийской армии Али Азару исполнилось тридцать пять лет. Он был родом из-под Дамаска, из семьи алавитов. Среднего роста, подтянутый симпатичный брюнет, с усиками, вот уже десять лет как счастливо был женат и воспитывал троих сыновей. Наверное, они жили слишком хорошо, потому что кто-то проклял их жизнь и их страну. И наступил хаос. Али уже больше года не видел близких. Да у него не было даже времени думать о них! Столько смертей и горя он видел каждый день.

К капитану, пригибаясь, подбежал долговязый худенький связист и протянул рацию. Офицер зашел за баррикаду и приставил рацию к уху.

– Барс-3, Барс-3, это Сокол-1, у вас десять минут на эвакуацию гражданских! – услышал он приказ.

– Сокол-1, это Барс-3. Как – десять? Я просто не успею всех вывести! В церкви много женщин и детей! – возмущенно прокричал Али, хотя понимал, что спорить тут бесполезно.

Невозмутимый голос в радиации продолжил:

– Делай что хочешь, Али! Но убери их оттуда. У штурмовой авиации задача – снести все в Кесабе. Приказ никто отменять не будет! И вообще-то, по штабным данным, там никого уже не осталось! Конец связи.

Али бессильно уронил руку с рацией и растерянно посмотрел вокруг. Что можно было сделать за десять минут в такой обстановке?! Боевики наступали стремительно. Недостатка в людях и боеприпасах они не испытывали. С той стороны границы свежая сила поступала постоянно. За три дня боев этот небольшой зеленый город был почти полностью разрушен.

Огонь с противоположной стороны улицы, на которой до войны располагались многочисленные магазинчики, резко усилился. Солдаты и ополченцы перестроились и открыли ответную стрельбу. Неожиданно из узкого переулка с другой стороны улицы на большой скорости выехал яркий бортовой пикап, по иронии весь обклеенный рекламой детского питания. В его кузове был установлен крупнокалиберный пулемет. Два боевика, развернув дымящийся ствол в их сторону, открыли из него шквальный огонь. На передовой линии убило сразу нескольких человек.

– Мушега убили! Аствац! Убили! – закричал мужчина в темной куртке.

Паренек в ужасе смотрел на тело своего отца. Лицо Мушега, командира отряда, превратилось в сплошное кровавое месиво. Юноша пригнулся и спрятался за самодельную баррикаду. Он накинул на голову капюшон от толстовки и, уткнувшись в колени, никак не мог остановить душившие его рыдания. С самых первых дней, как только война подступила близко к их городу, Мушег и его друзья организовали отряды самообороны. Он здесь родился и вырос, приходился родственником многим кесабцам. Это был его город, и оставлять его Мушег не собирался. Жители прекрасно понимали, что армия в одиночку не справится с постоянно пополняемыми людьми и оружием бандформированиями. Мужчины всех возрастов взяли оружие и встали на защиту своих близких, своих домов, своего города. Большую часть женщин и детей успели эвакуировать до наступления боевиков, но все равно в городе еще оставались люди.

Рядом с Мушегом воевал и его семнадцатилетний сын. А сейчас, потеряв отца, парень хоть и плакал, но еще сильнее сжимал в руках автомат. Он вытащил из кобуры на поясе Мушега

пистолет и вдруг понял, что больше никого не боится и будет сражаться за свой город до конца, как и его отец...

Капитан схватил за ворот стоявшего рядом с ним сержанта Сахима.

– Остаешься за старшего! Заставь его уже замолчать! Пять человек оставляю с тобой, остальные идут со мной к церкви. И запомни: как только увидишь, что грузовики отъезжают, – бегите! Через десять минут тут будет «воздух», – кивнув вверх, приказал Али.

Он тут же жестом указал, кому из солдат остаться, а кому идти с ним. К солдатам присоединилась и небольшая группа ополченцев. Под несмолкающую ни на секунду стрельбу отряд капитана перебежками сумел добраться до одного из более или менее не пострадавших переулков, чудом никого не потеряв. Местный доброволец повел их коротким путем через знакомые ему дворы к церкви.

Сержант поднял ручной гранатомет и отдал его коренастому молодому солдату, показав в сторону грузовика с пулеметом на другом конце улицы.

– Постарайся не промахнуться!

Солдат со страхом и обреченностью взял протянутую базуку и поправил железную каску на голове. Он на секунду поднял глаза к небу, наверное, просил у Аллаха защиты, и, низко пригибаясь, пробежал метров пять к серому трехэтажному зданию бывшего банка. Боец спрятался за частично сохранившимся рекламным щитом, с которого улыбающаяся красивая пара предлагала взять ипотечный кредит и счастливо жить отдельно от родителей, и встал на колени. Оценив расстояние до пикапа, он приготовился к выстрелу. Но в этот момент сразу несколько пуль, выпущенных боевиками, прошли его насквозь.

Сержант крепко выругался и хотел было послать следующего солдата. Но вдруг его взгляд остановился на мальчике лет четырнадцати в темном трикотажном костюме с человеком-пауком на груди. В руках этот почти ребенок крепко держал автомат. По его походке, по собранности всей фигуры и цепкому и почти спокойному взгляду было件件но, что он уже принимал участие в бою. Пацан находился недалеко от погибшего солдата, за деревянными ящиками, сложенными друг на друга у бывшего кафе. Он прекрасно видел, что произошло. Быстро оценив ситуацию, мальчик оставил свой автомат и по-пластунски пополз к гранатомету. Солдат был еще жив. Вся его грудь была залита кровью. Он смотрел в небо широко раскрытыми глазами и, казалось, хотел что-то сказать. Но слышны были только хрипы, вырывающиеся из горла вместе с кровью. Юнец, преодолев свой страх, осторожно взял из рук умирающего гранатомет. Мальчишка осмотрелся и неожиданно для сержанта пополз в другую сторону, за угол дома, где раньше располагался любимый всеми кесабцами большой продуктовый магазин дяди Гаспара. В той, другой жизни, которой они раньше жили, здесь всегда было многолюдно и шумно. А в воздухе с раннего утра стоял аромат свежей выпечки и восточного кофе.

Мальчик забежал в разгромленный магазин, миновал торговый зал и быстро поднялся по полуразрушенной лестнице на крышу. Сержант наблюдал за ним хоть и с надеждой, но без какой-либо веры в успех задуманного мальчиком. Однако, увидев ловкого бойца на самом краю крыши, вдруг понял, что замысел подростка может осуществиться. Сержант, воодушевившись действиями юного бойца, приказал бойцам:

– Стреляйте, стреляйте! Нужно отвлечь их от мальчика!

Все солдаты и бойцы самообороны тут же открыли огонь по грузовику. И это действительно сработало. Отвлеченные шквальным огнем боевики лишь в самый последний момент заметили подростка, развернули пулемет в его сторону и начали стрелять. Но было уже поздно. Юный защитник родины нажал на спусковой крючок, и выпущенная им граната разнесла ко всем чертям маленький грузовик с пулеметом. Вслед за подрывом пикапа на улице послышался другой «взрыв» – горестный вопль всех бойцов, увидевших, как окровавленное тело ребенка упало с крыши на тротуар.

На подступах к городу, на одном из высоких зеленых холмов, что окружали некогда живописный Кесаб, расположился штаб главаря группировки Абдуллы. Недавно появившийся на этой земле, именовавший себя «оппозиционером», он уже был печально известен своей неоправданной, почти маниакальной жестокостью буквально ко всем и во всем.

На возвышении, поставив одну ногу на деревянный ящик с боеприпасами, Абдулла впился глазами в цифровой немецкий бинокль Бушелл. Кажется, он следил за ходом боя. А может, просто получал удовольствие от обладания дорогой германской «игрушкой», доставшейся ему от турецкого инструктора. Абдулла преклонялся перед всем немецким и давно мечтал перебраться в Берлин или Мюнхен. Но! Пока на переезд еще надо было заработать.

Одетый в серо-зеленую военную форму без знаков различия, с черной банданой на голове, он выглядел грозно. У него была густая черная борода, широкие брови, тяжелый взгляд темных глаз. Из-за густой растительности на его лице определить возраст главаря группировки было сложно. Бывший военный ливийской армии, Абдулла (его настоящего имени никто не знал) вот уже много лет воевал против неверных. Хотя... вопрос веры был второстепенным. Работа, за которую хорошо платят и где есть чем поживиться – вот что привлекало его больше всего в войне. Особенно после того, как у себя на родине он стал изгоем и человеком второго сорта, ибо предал Каддафи и назвал врагам место его укрытия. Сейчас он просто выполнял очередную кровавую работу в Сирии и со всей жестокостью расправлялся с мирными жителями захваченных территорий. Абдулла получил приказ захватить населенный в основном христианами Кесаб и зачистить город от всех неверных. А кто отдавал этот приказ и кому это было нужно – его не волновало.

Неожиданно раздался сильный взрыв на одной из центральных улиц города. Абдулла направил свой мощный бинокль в ту сторону, откуда послышался взрыв, и увидел высокий столб дыма.

– В чем дело? Что это? Узнайте, быстро! – не оборачиваясь, приказал он.

Нескладный худенький радист с очень большой головой сидел неподалеку от него. Он тут же о чем-то спросил по рации. Выслушав ответ, опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с командиром, с опаской подошел сзади и немного сбоку на безопасное расстояние.

– Они подорвали пулемет! Кямал погиб, командир!

– А-а-а-а! Шайтан! Они мне за это ответят! – зарычал Абдулла. – И предупреди всех внизу: если упустят из церкви этих нечестивых собак, я сам им головы отрежу.

Испуганный радист, нисколько не сомневающийся в правдивости слов командира, быстро вернулся к рации. Он стал что-то лепетать в радиомикрофон, то и дело с опаской поглядывая на Абдуллу. Уж слишком много смертей своих же боевиков, не выполнивших приказ и умерших от его рук, видел радист за недолгое время, что находился рядом с главарем.

В церкви, духовном и культурном центре жителей Кесаба, было тесно и душно. Ото всюду были слышны непрерывающийся плач, всхлипывания, причитания. Детям было очень страшно, и все хотели есть, пить. В углу молодая мать бережно держала на руках раненую девочку лет семи. Ей только что сделали перевязку работники Красного Креста и ввели успокоительное. Ребенок тихо постанывал от боли.

Недалеко от алтаря громко рыдала арабская женщина средних лет в традиционной мусульманской одежде. Сегодня она потеряла мужа и одного из сыновей. Убитая горем еще совсем молодая женщина прижимала к груди выжившего младшего ребенка с перевязанной головой. Успокоить ее не удавалось никому.

– А-а-а-а! Живот болит! – не переставая, громко кричал маленький мальчик с маленькой повязкой на бедре, доводя всех собравшихся до отчаяния. Но что можно было поделать в такой обстановке?!

Среди местных жителей, находившихся в церкви, выделялись несколько европейцев, на которых были надеты яркие красные жилеты представителей Красного Креста. Они как могли всеми доступными им способами пытались помочь людям, хоть чуточку облегчить их положение – раздавали воду, обезболивающие препараты, перевязывали раны...

В дверях церкви появился тридцатилетний высокий голубоглазый молодой человек с темно-русскими волосами. Он быстро оглядел временный лазарет и подошел к очень похожей на него девушке.

– Валери! Помогите вначале женщинам и детям! Их мы грузим первыми! И торопитесь, беженцев нужно подготовить к эвакуации еще до приезда транспорта! – сказал он по-французски.

– Но Серж! Ведь машин пока нет! Известно, когда они будут? И вообще будут ли?!

С улицы послышался громкий взрыв, прозвучавший неподалеку. На секунду на лице Валери появилось выражение страха. Серж подошел к сестре и нежно сжал ее локоть. Валери посмотрела на любимого брата и немного успокоилась. Он был для нее самым родным человеком, которым она так восхищалась и на которого всегда хотела походить – быть отважной, уметь жертвовать собой, а главное – любить людей, как любил их он. Брат был единственным для нее авторитетом во всем. Однажды Серж увидел по телевизору репортаж о войне в Сирии, где показывали бедственное положение мирного населения. И это навсегда изменило их жизнь. Не колеблясь ни минуты, он записался в Красный Крест.

– Не знаю, сестренка. В такой обстановке трудно что-нибудь сказать наверняка... Они должны были быть здесь еще час тому назад. Сейчас это не имеет значения, наша задача – подготовить людей к эвакуации и построить их так, чтобы не было задержек при погрузке. Машины могут появиться в любой момент. И, Валери... держись, на тебя все смотрят!

Валери грустно улыбнулась Сержу и крепко сжала его руку. К ней подошла пожилая женщина.

– Что тебе сказал твой муж?

– Это мой брат! – гордо произнесла девушка и, обернувшись и собрав все внутренние силы, стала громко отдавать приказы на арабском: – Всех женщин и детей прошу встать на эту сторону в очередь. Так мы быстрее сумеем рассадить вас по машинам!

– Какие машины?! Ведь их нет! Всех тут убьют! Нас здесь просто бросили! Что будет с нашими детьми?! – подскочила к Валери совсем молодая истеричная женщина со сбившимся платком и двумя толстыми косами.

– Никто нас не бросил! Машины сейчас придут! Прошу всех встать в очередь! Поторопитесь!

– Зачем вставать?! Мы все равно погибнем! Нет никаких машин! Ведь их уже не будет?! – с отчаянием спросила пожилая женщина в черном платке, стиснув в ладони руку Сержа и с надеждой ожидая от него ответа.

– Успокойтесь все, пожалуйста! Даже если машин не будет, ваши мужья и сыновья обязательно отобьют атаку! Главное – нужно верить! А теперь делайте что вам говорят, – уверенно произнес Серж.

– Машины! – раздался со стороны дверей звучный голос Бертрана, немолодого врача-бельгийца, добровольно приехавшего в Сирию еще год назад. Сегодня он уже мало походил на того веселого, улыбчивого шутника, который выходил из самолета авиакомпании «Сириан Эйр» в международном аэропорту Дамаска. Повидав немало горя на сирийской земле, он уже редко улыбался и шутил.

Двери церкви резко распахнулись, и на пороге появился капитан Али со своим отрядом.

– Грузовики здесь! На погрузку у нас всего пять минут! Слышите?! Не больше! Через пять минут самолеты нанесут удар с воздуха!

Люди, все и сразу, бросились к выходу. Но работники Красного Креста, несколько солдат и настоятель церкви отец Ованес начали наводить порядок, чтобы не создалась давка. У двух приехавших грузовиков ополченцы принялись помогать женщинам побыстрее забираться в кузов, а затем стали передавать им детей и скудные пожитки.

По мере приближения боевиков звуки выстрелов были слышны все громче. А защитников из отряда самообороны с каждой минутой становилось все меньше и меньше. Но люди стояли до последнего. Ведь за ними были их дети, жены, матери. Они прекрасно понимали, что тех ждет, попади они в руки к боевикам.

Недалеко от церкви, на захваченных боевиками улицах, постоянно слышались выстрелы, крики, вопли, мольба. Головорезы врывались в дома и, не раздумывая, нажимали на спусковой крючок, убивая всех, кто не смог уйти. Впрочем, это была «обдуманная» жестокость. Жуткая слава об их зверствах быстро разнесется далеко на юг и восток от этого крайнего пограничного городка и сыграет роль пугала, которое очистит многочисленные села и города быстрее любой артиллерии.

Но если ты остался и не сбежал из своего дома, то получить пулю и быстро умереть – это был еще «желанный» вариант смерти для местного жителя. Боевики измывались и мучили людей, не считаясь ни с возрастом, ни с полом своей жертвы.

– Что с этими делать, Махмуд? Двойняшки тут! Но им уже одиннадцать лет? – спросил у бывалого вояки новичок Аскер.

– Одиннадцать, говоришь?! Абдулла сказал, только до десяти! Этих в расход! Давай!

Аскер уже поднял автомат, но Махмуд вдруг передумал.

– Подожди! Вроде крепкие, здоровые ребятки! Этих и к врачам можно! Вяжи их и вези на базу!

За большим коричневым домом с отделанным мрамором фасадом, спрятавшись за выступ входа, молодая журналистка своей полупрофессиональной камерой пыталась запечатлеть весь тот кошмар, что творился вокруг. Это была Беата Климчик из Польши. В каске и бронежилете с надписью «PRESS», она неожиданно оказалась в самой гуще событий.

– Уходи! Уходи отсюда! Убьют! – натываясь на нее, то и дело кричали по-арабски отступающие солдаты, которым она просто мешала.

Боевики были уже совсем близко, когда к Беате подскочил сержант Сахим и схватил за руку.

– Беги, дура! Убьют тебя! Беги к церкви!

Он довольно грубо подтолкнул журналистку в нужную сторону. Увидев, что та побежала в указанном направлении, сержант улыбнулся и тут же получил вражескую пулю в живот.

Один из грузовиков у церкви был уже полностью утрамбован людьми. Серж постучал по борту, и водитель надавил на педаль газа. Перегруженная машина тяжело тронулась с места. Не проехав и двадцати метров, она тут же попала под град пуль. Это из одной из боковых улиц выбежали несколько боевиков и открыли огонь на поражение. В кузове среди людей началась паника.

– Доченька, моя доченька! – закричала женщина в черном платке, та, что совсем недавно разговаривала в церкви с Сержем. Зарывав, она склонилась над телом своей погибшей дочери. Рядом, истекая кровью, смертельно раненная молодая женщина прижимала к себе уже бездыханное тельце трехлетнего малыша. Еще несколько человек были ранены, но капитан не разрешил водителю останавливаться, показывая рукой на небо. Бойцы из отряда самообороны, прикрывавшие грузовики с людьми, сумели вовремя уничтожить стрелявших, потеряв при этом еще одного своего товарища. Капитан Али посмотрел на часы и побежал к Сержу.

– У нас всего пара минут. Заканчивайте!

– Почти всех погрузили! – прокричал Серж, помогая последним женщинам с детьми забраться в машину. Он подтолкнул сестру, прижимавшую к себе маленького плачущего мальчика, мать которого была убита еще вчера, в сторону кабины.

– Быстрее! Садись!

– А ты?! Я без тебя никуда не поеду! – воскликнула Валери, но Серж ее успокоил.

– Я буду в кузове. Быстрее!

Он помог ей залезть в кабину водителя и захлопнул следом дверь.

– Давайте руку, – обратился Серж к отцу Ованесу.

– Я никуда не поеду, останусь с ребятами, – кивнул он в сторону ополченцев.

Перехватив взгляд Сержа на появившийся на его плече автомат и оценив удивленное выражение парня, он усмехнулся.

– Время разбрасывать камни и время собирать! – святой отец положил руку на приклад. – Сейчас настало его время! А молиться будем потом! Прощай, француз!

Священник перекрестил пассажиров, повернулся к ним спиной, передернул затвор и быстрым шагом двинулся в сторону улицы, где шел бой. Серж секунду смотрел вслед несгибаемому священнику, уверенно шагавшему навстречу смерти.

– Прости, Абдулла, но они увозят людей из церкви на двух грузовиках! – сказал подбежавший к мрачному ливийцу один из боевиков.

Абдулла схватил того за грудки и стал трясти как тряпичную куклу.

– Я вас всех, всех положу в этом Кесабе! Уроды! Я сказал, что ни один человек не должен покинуть этот город без моей воли! Сделайте так, чтобы они все стали вашими рабами! Или вы сами станете трупами! Передай всем! Всем! Перекройте выезд на юг! Не дайте им уйти! Иначе нам не заплатят! Мужчин, за исключением иностранцев и офицеров, уничтожить на месте. Женщин до тридцати пяти и детей до десяти оставлять на продажу, остальных – в расход, – прорычал он свирепо.

Абдулла отшвырнул боевика и так злобно на него зыркнул, что тот вскочил и со всех ног помчался выполнять страшный приказ.

– Вы все за ним! И не дай вам Аллах разочаровать меня! – приказал он группе боевиков, находившихся с ним на холме. Рядом с собой он оставил только радиста и одного солдата.

Боевики, зная крутой нрав командира, не раздумывая, побежали в сторону своих автомобилей. Абдулла приготовился еще раз посмотреть в бинокль. Взгляд его случайно наткнулся на отрезанные головы двух местных жителей, положивших немало его бойцов, прежде чем их схватили и казнили по его приказу.

– Хамди! Убери эти головы отсюда, воняют.

Беата больше не геройствовала, а просто пыталась убежать и спастись от этого кошмара. Рядом с ней то и дело гибли бойцы и солдаты. Ей стало казаться, что, кроме красного цвета, цвета крови, она ничего больше не видит вокруг. Беата забежала за угол и тут же наткнулась на лежащего посреди улицы мужчину, у которого все внутренности были вывернуты наружу. Она закричала, и ее стошнило. Девушка побежала вперед, не совсем осознавая, куда именно она движется. Журналистка бежала до тех пор, пока не уперлась в двух бородатых боевиков, державших наготове автоматы и готовых пристрелить каждого, кто встанет у них на пути. Девушка судорожно слотнула, сразу подняла руки и стала кричать.

– Don't shoot! Press, I'm press!³

Беата одной рукой энергично показывала на надпись у себя на груди, пытаясь немного успокоить боевиков. Они начали приглядываться к привлекательной белокожей девушке. Красивые миндалевидные глаза, маленький изящный носик, пухлые губки. Один из них, упитан-

³ Не стреляйте! Пресса, я журналист! (англ.)

ный коротышка, улыбнулся, обнажив кривые гнилые зубы, и на арабском обратился к своему тщедушному долговязому товарищу:

– Смотри, какая красавица, у нее белые волосы, – ткнул он пальцем в сторону выбившейся пряди светло-пепельных волос Беаты. – И голубые глаза, а какая кожа! Белая, белая! Никогда такую даже не трогал! Конечно, она слишком худая, но зато какая хорошая! Я всегда мечтал попробовать белокожую!

– Совсем с ума сошел, Керим! Головы хочешь лишиться?! Ты слышал приказ?! Ее к Абдулле надо отвести! Не то плохо будет, если командир узнает, – испуганно произнес боевик, пожирая глазами красавицу. Он никогда даже близко не видел таких женщин.

– Да ладно тебе, никто не узнает. Ведь никого нет рядом. Потом отведем, а сейчас сами поиграем! Соглашайся! – обходя свою добычу вокруг, предложил более смелый Керим. – Посмотри, какая у нее задница!

Его друг посмотрел по сторонам и, не увидев своих поделников, осмелел.

– Ладно, давай, но только быстро! Когда еще успеем такое испытать! Если только в раю! Нас убить могут в любую минуту.

Журналистка немного знала арабский и быстро поняла, что у них на уме. Беата стала медленно отходить, хотя и знала, что бежать опасно – эти выстрелят не задумываясь.

Боевики отбросили автоматы за спину и, сделав рывок, схватили Беату за руки, грубо потащили ее в сторону приоткрытой двери какого-то дома. От ужаса журналистка стала кричать, отбиваться, пинать боевиков, но это только еще больше распалило насильников. Керим, получивший от нее царапину, стал срывать с девушки одежду. Чтобы не терять времени, парни решили не заходить внутрь дома, а повалили ее прямо у стены. Керим, наконец, сумел стащить с нее жилет, а его поделник расстегнул ей брюки. Беата с удвоенной силой стала изворачиваться и умудрилась больно укусить Керима. Не ожидавший этого боевик закричал от боли и наотмашь, с силой, ударил ее по лицу. Девушка отлетела в сторону. В этот момент лежащий в двадцати метрах от них тяжелораненый сержант Сахим, собрав остатки сил, сумел дать последнюю очередь из автомата и убить обоих боевиков. Еще не поверившая в свое спасение Беата кое-как поднялась, убрала с лица длинные спутанные волосы и, увидев, что негодяи мертвы, шатаясь, подбежала к сержанту.

– Опять ты?! – улыбнулся он. – Беги! Спасайся! – успел прошептать смертельно раненный и закрыл глаза.

Девушка все еще не пришла в себя от пережитого. Она смахнула слезы с глаз и, подхватив лежащую на земле камеру, попыталась кое-как прикрыться разорванными остатками рубашки, а потом бросилась бежать...

Вторая машина уже готова была отехать, когда стал слышен рев приближающегося штурмовика.

– Быстрее! Быстрее! Самолеты уже близко! Отъезжай! – стал кричать капитан водителю грузовика и сам запрыгнул на подножку, чтобы отстреливаться по дороге. Валери в зеркало увидела, как Серж и еще один солдат, погрузив беженцев, последними были готовы запрыгнуть в кузов. Но в эту минуту к ним подбежала запыхавшаяся женщина в разорванной одежде.

– Помогите мне! Помогите! Я польская журналистка!

– Быстрее лезьте в кузов! – немного раздраженно бросил Серж и помог ей подняться в машину.

Грузовик медленно тронулся с места, и тут вдруг французу показалось, что метрах в семидесяти от церкви, в полуразрушенном доме, он увидел двух детей. Они пытались выбраться из-под завала. Серж даже решил, что ему это привиделось.

– Ты видел? Там дети? – с сомнением спросил он у солдата.

– Да! Куда ты?! Вернись! Ты все равно не успеешь им помочь! – крикнул он Сержу, уже спрыгнувшему с машины.

Француз побежал в сторону дома, где увидел детей. Солдат понимал, что они в любом случае не успеют вернуться. Но видя, что чужеземец сломя голову кинулся спасать его соотечественников и не собиравшись останавливаться, выругался и последовал за ним.

Грузовик с людьми уже набирал скорость.

– Куда?! Назад! Назад! – стал кричать Сержу капитан.

Но ни Серж, ни солдат его уже не слышали. Они подбежали к полуразрушенному дому и увидели двух детей, девочку и мальчика, примерно пяти и семи лет, с ног до головы покрытых пылью. Мальчик поддерживал сестру – они пытались вскарабкаться по камням наружу. Увидев незнакомцев, дети крепко прижались друг к другу и испуганно посмотрели на подбежавших мужчин. Совсем недалеко от них лежал труп молодой женщины. По-видимому, это была их мать, а может, просто кто-то из близких. Серж подбежал и, подтянув девочку, взял ее на руки, а поспевший за ним солдат схватил мальчика, но уйти они уже не успели.

– Десятый, десятый! Прием! Десятый, к атаке готов? – раздался голос в наушнике у Исама.

– Первый, это десятый! Прием! На позиции! К атаке готов! – обреченно отрапортовал он.

– Во имя Аллаха, атакуйте!

Исам, стиснув зубы, помедлил секунду и нажал на кнопку пуска ракет.

Все вокруг сразу превратилось в ад. Все близлежащие от церкви улицы с находившимися на них боевиками и не успевшими уйти солдатами были взорваны. Церковь и дома на соседних улицах были полностью уничтожены. От дыма и пыли поначалу ничего не было видно. Казалось, погибло все! В последний момент каким-то чудом уцелевший грузовик на максимальной скорости выскочил из черного облака дыма. Валери увидела, как ее брат ворвался в соседний дом перед самой воздушной атакой. У нее началась истерика, и девушка попыталась открыть дверь.

– Сиди, дура! Куда! Там уже некого спасать. И ты погибнешь! – удерживая ее за руку, выкрикнул по-арабски водитель. И тут прямо перед ними разорвался снаряд.

Париж

Ксавье Верне очень любил раннее утро. Он всегда выходил из дома в половине седьмого и не спеша шел в сторону особняка своего патрона. На почти безлюдных улицах родного города уже начиналась жизнь. То и дело его обоняние приятно щекотали запахи свежеспеченных булочек, круассанов, заваренного кофе. На углу старинной улицы Вольтер мсье Жавер вот уже на протяжении многих десятилетий жарил необыкновенно вкусные каштаны. Наверное, он был последним «этническим» французом, который занимался этим делом на парижских улицах. Ксавье специально каждый день делал крюк, чтобы купить пакетик этого чудесного лакомства. Затем он, не торопясь, выпивал чашечку ароматного кофе у мсье Густава. Привычке этой было уже много лет. А самое главное, Ксавье было комфортно на улицах именно в это время, когда не видно ни многочисленных туристов, ни еще более многочисленных и разношерстных парижан. Ему нравилось смотреть на редких прохожих, идущих по чистым улицам в маленькие кафе, чтобы выпить чашечку кофе перед работой. Весь этот ежедневный ритуал позволял Верне сохранять спокойствие и веру в незыблемость его внутреннего мира.

Ксавье уже подходил к старинному роскошному трехэтажному особняку в стиле Людовика XVIII, в самом центре Парижа, принадлежащему известному меценату Олегу фон Праслофф, когда у него вдруг зазвонил телефон.

«Странно! Кто это в такую рань?» – подумал он и ответил на звонок с незнакомого номера.

– Слушаю. Да, это я. Да. Да... Но как?!.. Это достоверные сведения? Что можно предпринять? Ясно. Конечно, я все передам, – закончил разговор заметно побледневший Ксавье.

Праслоффа душила боль. Нет, это была не та физическая боль, которая не давала ему покоя ни днем ни ночью вот уже несколько лет. Нет, ту он научился терпеть и укрощать. Эта была страшная, изощренная боль, которая выворачивала наизнанку его душу, разрывала сердце, впивалась в мозг. Он просто не знал, что делать, как уйти от этой всепоглощающей боли. А главное, он совершенно не представлял, что можно сделать для их поиска, как их вернуть?! Внуки – это было все, что у него осталось после нелепой, трагической смерти любимого сына и невестки. И теперь они пропали! Никто и ничего о них не знает. Никто не может ему помочь.

В дверь тихонько постучали, и в спальню вошел его помощник и доверенное лицо – Ксавье. Старик приоткрыл глаза и с надеждой посмотрел на своего больше чем просто помощника. Среднего роста худощавый брюнет лет пятидесяти или чуть больше, в добротном сером костюме нерешительно подошел к массивной резной кровати, поправил очки в дорогой золотой оправе.

– Доброе утро, мсье! Хотя добрым его можно назвать условно. У меня... не самые лучшие новости. Только что подтвердили, что миссия Красного Креста в Кесабе уничтожена. Следы всех сотрудников потеряны. Город в руках боевиков. Боюсь, что Серж и Валери...

– Сколько? – неожиданно крепким голосом спросил старик.

– Простите? – не понял помощник.

– Сколько прошло времени?

– Сегодня третий день, господин Праслофф.

Старик попытался встать, несмотря на то, что это движение причиняло ему сильную боль. Ксавье подошел ближе и хотел помочь подняться, но тот категорически отказался и со второй попытки сумел встать сам.

– Вызвать врача? Вам плохо?

Неожиданно старик выпрямился, взял из рук Ксавье трость и, опираясь на нее, твердым голосом приказал:

– К черту врача! Ксавье, пусть срочно подготовят к поездке машину, и подайте мне костюм. Затем соедините меня с министром внутренних дел. Немедленно!

Праслофф уже стоял у большого старинного венецианского зеркала, поправляя галстук, когда помощник передал ему трубку.

– Доброе утро, мсье Праслофф! – раздался в трубке звонкий голос министра.

– Не знаю, доброе ли оно, Николая. Возможно, вы уже знаете, что три дня назад в Сирии пропали мои внук и внучка!

– Да, конечно, мсье, мы в курсе и очень сочувствуем вам. И мы, как вы знаете, неоднократно их предупреждали, что ехать в этот регион не сле...

– Они поехали не в туристическую поездку, а выполнять свой гражданский долг, так как считали это нужным! – властно перебил министра старик.

Министр на том конце телефонного провода замер от неожиданности. Кажется, даже задержал дыхание.

– И сейчас вопрос в том, смогу ли я выполнить свой родительский долг перед ними, – чуть смягчив тон, продолжил Праслофф. – Николая, это единственные родные мне люди. Вы ведь знаете это! После смерти сына у меня никого не осталось! Помогите мне найти их! Задействуйте все возможные связи.

После небольшой паузы министр осторожно продолжил разговор.

– Я, конечно, понимаю ваше горе, но... Поймите, это непростой вопрос! На сегодняшний день территория, на которой ведутся боевые действия, никем не контролируется, боевики не идут ни с кем на контакт. Нам не с кем договариваться! Они просто массово убивают местных жителей и показательно проводят казни иностранных заложников.

От этих слов старику стало трудно дышать, и он слегка ослабил узел галстука.

– И так как никто не предложил продать ваших внуков за деньги, прошу прощения, то надо... готовиться к худшему, – сочувственно продолжил министр. – Но есть и хорошая новость – до сих пор никто не предложил выкупить их тела! А значит, есть шанс, что они живы. Пусть и небольшой, но все-таки шанс.

– Продать тела?! Умеете вы обнадежить, министр, – грустно усмехнулся Праслофф.

– Мне жаль, но, к сожалению, такова сегодняшняя действительность, и мы ничем не сможем вам помочь, – констатировал факт министр.

– Если вы и ваше ведомство так бессильны, может, на территории Французской Республики есть кто-то другой, кто обладает большими возможностями и полномочиями, чем вы? И сможет помочь мне в этом деликатном вопросе? В конце концов, я почетный гражданин этой страны. Или мне нужно позвонить президенту лично? – с негодованием набросился на собеседника Праслофф.

Министр, не раздумывая, ответил.

– Не думаю, что разговор с президентом что-то изменит или он сообщит вам нечто новое. Я действительно ничего не могу вам предложить. И даже не знаю, какой совет дать в этой ситуации. На сегодняшний день шансов нет никаких. Надо просто ждать!

В полной тишине Праслофф, не прощаясь, отдал трубку Ксавье.

Старик пытался найти какой-нибудь выход из ситуации. В раздумьях он подошел к старинному комоду и взял рамку с фотографией внуков. Высокий, спортивного телосложения голубоглазый шатен с обаятельной улыбкой обнимает красивую девушку со светлыми волосами и глазами цвета бирюзы. Они были очень дружны с самого детства, но после гибели родителей стали просто неразлучны. Олег слегка улыбнулся, когда вдруг вспомнил, как Валери, еще только научившаяся ходить, всюду следовала за братом, не давая ему даже уединиться с друзьями и подружками. Брат начинал возмущаться, но, видя ее сияющие, полные любви и доверия глаза, смягчался и ласково трепал по щечке. Серж называл ее – моя Липучка. Ни родители, ни он сам, ни влюбленные в нее мальчики, даже те, кому она отвечала взаимностью, не могли вызвать у нее в глазах такое искреннее сияние. Вспомнил, как тяжело она переживала, когда Серж поступил в университет и решил пожить, как все студенты, на съемной квартире с однокурсниками. Они оба блестяще окончили медицинский факультет. Серж стал отличным полостным хирургом, а сестра решила связать себя с офтальмологией. В университете у нее появилось много друзей, но самой близкой подругой стала Фатима, студентка из Иордании. Способная к языкам, Валери решила выучить арабский язык и вскоре стала говорить на нем легко и непринужденно.

Следует отметить, что именно Серж по своему желанию пошел в медицину. Валери решила стать врачом просто потому, что эту стезю выбрал брат. Он был для нее безоговорочным авторитетом буквально во всем. И это стало причиной того, почему она, не колеблясь ни минуты, последовала за ним в опасную поездку в чужую страну, хотя Серж долго отговаривал ее от этого шага. Валери была искренне возмущена, когда брата не поддержала его девушка Сюзанна.

– Я знаю арабский, а ты нет. Тебе не справиться одному, – убеждала она Сержа.

– Соедини меня с Бариньи, – очнувшись от воспоминаний, сказал Праслофф помощнику. Поставив фотографию на место, он с трудом сел в кресло.

Через час с небольшим, одетый в отлично сшитый темно-синий костюм-тройку, старик сидел в кабинете начальника спецслужб. Праслофф тяжело опирался на свою трость, старался, невзирая на боль, выглядеть достойно.

– Я все понимаю, мсье Праслофф, но, к моему великому сожалению, сейчас мы ничего не можем сделать! При всем желании! – выслушав его, сказал хозяин кабинета.

– Не можете?! Вы не можете послать туда войска?! Или не хотите? Я помню, когда в шестьдесят шестом в Алжире вы...

Одетый в штатское немолодой офицер с волевым лицом и цепким взглядом резко перебил Праслоффа.

– Это было в далеком шестьдесят шестом! И нет нужды об этом вспоминать сейчас, мсье Праслофф! Я знаю все о ваших заслугах перед Францией, но... у наших возможностей есть границы. Одним словом, на данный момент послать туда войска Французская Республика не может. Это дорого и неразумно. Рисковать жизнями десятков наших солдат и офицеров из-за двух, простите, самонадеянных юнцов, отправившихся в эту чертову Сирию, несмотря на все наши предостережения...

Хозяин кабинета предпочел не договаривать фразу до конца.

Несколько секунд старик пристально смотрел в глаза офицера, но тот уверенно, не моргнув, выдержал этот взгляд. Вдруг внутри у Праслоффа как будто лопнула какая-то струна. И все сразу сломалось! Он как-то прямо на глазах еще больше постарел. Олег Валентинович резко обмяк, и голова его бессильно опустилась на грудь.

Начальник спецслужб Бариньи подбежал к стоявшему в углу кабинета кулеру с водой и наполнил стакан.

Праслофф, с трудом удерживая его непослушными пальцами, сделал несколько глотков.

– Вам плохо?! Я сейчас же вызову врача! – бросился к телефону офицер.

– Нет, не надо врача! Мне уже лучше.

Старик немного помедлил, как бы подбирая нужные слова, затем обратился к своему собеседнику:

– Поймите меня правильно, полковник... Я должен что-то сделать... и я сделаю. Чего бы мне это ни стоило, как в моральном, так и в материальном отношении, – Праслофф на секунду замолчал, подбирая правильные слова. – Тогда, семьдесят лет назад, в Сопротивлении, мой отец отдавал не легко дающиеся ему приказы, ибо довольно часто отправлял людей на смерть. Эти парни шли освобождать пленных, штурмовали концлагеря и пересыльные пункты, пускали под откос составы... Все эти люди никогда не давали присягу и шли умирать, не зная даже ради кого. Ради Франции, наверное! Тогда отец раздавал их семьям деньги, и когда они шли в бой, то знали, что, если даже с ними что-нибудь случится, их семьи не умрут от голода. – Праслофф сделал паузу.

Олег Валентинович протянул стаканчик с водой обратно Бариньи. Полковник, взяв его, вытянулся и посмотрел прямо в глаза старику, поняв, куда он клонит.

– Может, сегодня деньги тоже могут что-то решить? – с надеждой спросил Праслофф.

Полковник ничего не ответил. Он подошел к окну, достал из кармана пачку сигарет, достал из нее одну и сунул в рот. Немного постояв, офицер вернул сигарету на место и быстро вернулся к посетителю. Бариньи наклонился, и глаза его были на уровне лица старика.

– Поверьте, все мы сочувствуем вашему горю, правда. Но мы даже не знаем, живы ваши внуки или нет! К тому же правительство никак не может принять от вас эти деньги. Это обязательно станет известно прессе! И как тогда прикажете объяснить другим гражданам, у которых нет возможности заплатить, что их родных спасти не будут?! Поймите, мы действительно ничего не можем для вас сделать.

С поразительной для больного человека прытью Праслофф вскочил и отбросил тяжелый стул. Видно было, что эта нагрузка отняла у него много сил. Он с трудом, опираясь на трость, прошел к выходу. У самой двери старик обернулся.

– Что ж, тогда, если Франция не может мне предложить свою помощь, то я сам найду способ их спасти! Не важно, как и где, но я найду людей, которые захотят и смогут мне помочь. Можете в этом не сомневаться.

Он уже выходил из кабинета, когда в спину ему донеслись слова полковника:

– Не стоит предпринимать опрометчивых шагов, мсье Праслофф. Это может быть чревато осложнением дипломатических и союзнических отношений с нашими...

Праслофф, не дослушав, резко захлопнул дверь и, насколько позволяло его состояние, быстро прошел мимо ошарашенного адъютанта в сторону лифта, где его ждал Ксавье.

За долгое время работы на старика он прекрасно изучил его. И сейчас сразу понял, что Олег Валентинович в ярости.

Ксавье и Праслофф были знакомы уже более тридцати лет. Его сын Александр тогда учился в университете. Рядом с ним на первой лекции по экономике присел красивый юноша, с благородными чертами лица. Они познакомились, потом подружились. Дружба продолжалась и после того, как оба довольно рано обзавелись семьями. И женами их стали две близкие подруги. И дружба эта длилась до самого конца. До того страшного дня, когда единственный сын Праслоффа вместе со своей супругой погиб в автомобильной катастрофе на лыжном курорте.

Именно Александр Праслофф привез в первый раз молодого Ксавье на зимние каникулы к ним в дом. Олег Валентинович, несмотря на то, что Ксавье не принадлежал к их избранному кругу, сразу принял его как родного. Когда друзья окончили учебу, он предложил ему хорошую работу на фирме. Так вскоре Ксавье стал его правой рукой. Ну, а после гибели Александра и Катрин Ксавье и вовсе стал для Олега незаменим. Он часто помогал ему в принятии решений относительно детей Александра. Ведь им было на момент смерти родителей четырнадцать и десять лет. При этом, несмотря на то, что Ксавье искренне любил и уважал всю семью Праслофф, где его принимали за родного, он никогда за все эти годы не нарушил субординацию и не переступил им самим начертанную границу в их отношениях.

Праслофф смотрел из окна своего представительского лимузина на весенний город. Париж! Он безумно любил этот город. Давно, именно здесь, в семье сына русского эмигранта князя Праслова-Залесского, родился единственный сын и внук. Он рос, окруженный с самого момента рождения любовью и заботой. Так было принято в их семье. Со временем вторая половина сложной для восприятия французским ухом русской фамилии исчезла. А оставшаяся стала звучать как Праслофф с благородной приставкой «фон» – сказались старые брауншвейгские корни семьи. Но русский дух, язык и традиции не ушли из семьи Праслофф. Между собой они всегда разговаривали на русском. Даже супруга Олега, и та могла сносно изъясняться на языке Пушкина и Тургенева. На деньги и бесценные фамильные драгоценности, вывезенные своевременно из царской России, дед основал строительную фирму, которая понемногу выросла до целой империи. Отец Олега достойно продолжил семейное дело и приумножил доставшийся ему капитал. Во время войны он был одним из руководителей Французского Сопротивления и многое сделал для победы над фашизмом. Именно здесь Олег встретил свою будущую супругу Лилиан, с которой счастливо прожил в браке более сорока лет. Она очень не любила врачей и старалась к ним не обращаться. Когда у нее выявили рак надпочечников, то было уже слишком поздно что-либо предпринять...

В родном Париже родился и их единственный сын Александр. Вернее, у них родилась еще и девочка. Но вскоре после появления на свет у нее диагностировали тяжелый врожденный порок сердца. Через шесть месяцев она умерла.

Александр с первых минут своей жизни стал центром их вселенной. Они его безумно любили, баловали. Мать была с ним постоянно, она старалась как можно реже оставлять ребенка с нянями. Отец выкраивал из своего очень плотного графика работы время для любимого ребенка. Мальчик не знал ни в чем отказа. Но, несмотря на это, вырос скромным, застенчивым, трудолюбивым, честным человеком.

Сегодня Олег Праслофф был одним из богатейших и влиятельных людей Франции. У него было все, что он желал! Почти все... Он мог все! Почти все... Он не мог единственного, что было ему действительно необходимо. Он ничего не мог сделать, чтобы найти и вернуть своих внуков. Своих единственных родных людей.

– Что вам ответили, мсье? – раздался в тишине голос помощника. – Они предпримут какие-то шаги?

– Франция ничем не может нам помочь, Ксавье, – усмехнулся старик. – Изменились времена, изменились люди.

– И что, они совсем ничего не будут делать?! – изумленно воскликнул собеседник.

– Почему?! Кому-то напишут... О чем-то попросят... – с сарказмом ответил Праслофф. Ксавье видел, как тяжело его патрону произносить эти слова.

– Нет, так моих внуков не спасти! Надо что-то придумать, но я пока не вижу никакого решения. Просто не знаю... не знаю, что мне делать, что предпринять! – обратился он к Ксавье.

Подождав пару минут, помощник неуверенно заговорил:

– Месье, мне кажется... правда, это только предположение, у нас есть один шанс найти их.

Увидев, что старик смотрит на него с надеждой, Ксавье продолжил:

– Но он не здесь, мсье Праслофф! Это только мое предположение, тем не менее, учитывая сложившуюся обстановку, нам надо попробовать. Россия – ваша историческая родина. Вы немало сделали для страны своих предков. Не говоря уже о вашем вкладе в возвращение предметов искусства в Россию. Когда мы в прошлый раз были там, я понял, что россияне все помнят и ценят ваши дела. Мне кажется, именно Москва может протянуть вам руку помощи! Может, сейчас надо вспомнить о России? Эта страна, я думаю, не откажет вам.

Старик ничего не ответил. Ксавье лишь немного опередил его. Эта мысль давно уже не давала покоя Праслоффу: «Здесь мне все отказали. Вариантов на сегодня больше нет, а тянуть нельзя! Нельзя тянуть!» Еще раз взвесив все за и против, он принял решение.

– Сейчас же соедините меня с русским послом.

На рассвете Ксавье осторожно постучал в дверь спальни патрона и, не получив приглашения войти, тихонько приоткрыл тяжелую дверь. Он знал, что старик почти не спит по ночам, но, видно, напряжение и усталость последних дней сделали свое дело – Праслофф лежал с закрытыми глазами и размеренно дышал. Помощнику было жаль будить его, но время сейчас работало против них, и Ксавье легонько прикоснулся к плечу старика.

– Мсье Праслофф, простите, но времени почти не осталось. Самолет готов к вылету. Нас ждут в Москве.

Праслофф тут же открыл глаза и улыбнулся Ксавье.

– Доброе утро! Дай Бог, Ксавье, чтобы все получилось! Ни пуха ни пера, как говорят в России!

Ксавье едва заметно улыбнулся. Праслофф заметил выражение лица своего помощника.

– В чем дело, Ксавье?

– Простите, месье! Странные вы люди, русские. В одном высказывании вы объединяете обращение к Богу и поговорку, в ответ на которую надо упоминать имя черта.

– Не упоминать, Ксавье, а посылать... Да, русские... они такие... Помогите мне одеться. Завтракать я не буду. Так вы будете отвечать на поговорку или нет?

– К черту! Так, кажется?! – скрывая улыбку, ответил Ксавье.

Москва

Сегодня с утра их пригласили в Кремль. Это величественное сооружение в центре Москвы произвело на француза неизгладимое впечатление своим великолепием еще в его первый приезд в столицу России. Но сегодня их пригласили в Сенатской дворец, где находились рабочие кабинеты высшего руководства страны. Отделанный гранитом, малахитом, украшенный беломраморными античными колоннами и гипсовыми медальонами-портретами русских царей и князей дворец внушал уважение. А чего стоят роскошные люстры, лепнина, канделябры, торшеры... Это здание имело богатую историю и было свидетелем многих событий,

принимало в разное время в своих стенах самых известных деятелей мировой политики, экономики и культуры.

Ксавье сидел на удобном диване в большой приемной в стиле первой половины XIX века и восхищался убранством интерьеров. Как профессионал он вдруг подумал: «Интересно, а во что обойдется такое строительство сегодня?» Ксавье стал прикидывать приблизительную смету только одного этого помещения и вскоре понял, учитывая стопроцентно ручной труд, что так дорого никто теперь строить не будет. Напротив него, рядом с массивной дверью, за которой вот уже больше часа назад скрылся Праслофф, за красивым письменным столом работал секретарь. Наконец тяжелая дверь открылась и на пороге появился старик. Он как будто стал выше и моложе, а в глазах его появилась надежда. Ксавье подскочил к нему и закрыл за Праслоффом дверь. Секретарь, симпатичный блондин средних лет, встал из-за стола и подошел к ним.

– Все в порядке? – с улыбкой обратился он к гостю из Франции.

– Благодарю! – впервые за последнее время искренне улыбнулся Праслофф в ответ и, обернувшись к своему помощнику, негромко сказал: – Нам позвонят. Поедем в отель.

Они остановились, как всегда, в гостинице «Балчуг», недалеко от Красной площади. В сегодняшней Москве было немало новых шикарных отелей, но Праслофф не изменял своей привычке и каждый раз, приезжая в столицу России, останавливался именно здесь.

Ксавье заказал в большой номер-люкс любимый кофе Праслоффа, но тот к нему так и не притронулся. Оба в напряжении ждали звонка. И если помощник, просматривая какие-то бумаги, пытался еще делать вид, что чем-то занимается, то старик просто неподвижно сидел в удобном высоком кресле у широкого окна и, почти не мигая, смотрел на изумительный вид, открывающийся с последнего этажа гостиницы. Кремль во всем своем величии был прямо напротив. Праслофф никогда не уставал любоваться им. У него каждый раз просто дух захватывало при виде этого величественного строения. Но если раньше это была просто красивая открытка, прекрасный и статусный пейзаж, то сегодня вид из окна стал для старика символом. Сегодня Кремль был средоточием его надежды. Возможно, русские смогут ему помочь. Старик в очередной раз вздохнул и посмотрел на свои старые часы, доставшиеся ему еще от деда.

Хотя звонок и ждали, все равно в абсолютной тишине он прозвучал неожиданно громко. Ксавье бросился к телефону, но Праслофф поднял руку и твердо сказал: «Я сам».

После небольшого промедления он взял трубку из рук помощника и ответил:

– Праслофф у телефона.

– Добрый день, Олег Валентинович! – раздался в трубке приятный мужской баритон.

– Здравствуйте. С кем имею честь разговаривать? – с волнением в голосе спросил Праслофф.

– Мое имя вам ничего не скажет. Я по поводу вашего сегодняшнего визита! Хочу сказать, что вашим вопросом уже занимаются. У нас к вам большая просьба. Понимаете, вы нам здесь ничем помочь не сможете! Поэтому будет лучше, если вы вернетесь домой. Я думаю, там вам будет комфортнее и, главное, вы не будете привлекать к себе ненужного внимания. Ну, а мы, в свою очередь, свяжемся с вами, как только у нас появятся какие-то новости.

Праслоффу стало немного не по себе, и он не сразу ответил.

– Олег Валентинович, вы слышите меня? – забеспокоился голос в трубке.

– Да, да! Простите за вопрос – а кто занимается моим делом? – спросил старик.

Мужчина в трубке рассмеялся.

– Как – кто? Лучшие люди, Олег Валентинович. Не волнуйтесь. Мы с вами свяжемся, как только что-то прояснится. Всего хорошего!

Праслофф, чуть помедлив, передал трубку Ксавье.

– Едем домой. С нами свяжутся.

Москва

Егор проснулся весь в холодном поту. Его преследовал очередной кошмар – он стреляет, и девочка, обернувшись к нему, улыбается, а на груди у нее растекается кровавое пятно. И дальше все как всегда – он видит полные ужаса глаза ребенка и слышит плач и крики ее отца.

Мужчина встал с кровати, босиком прошел в ванную и, открыв кран над раковиной, плеснул холодной водой в лицо. Затем направился на кухню и налил себе стакан воды. Этот кошмар преследовал его с того самого дня, как они с Голиафом вернулись с задания из Дагестана. Он уже и не помнил, когда за последнее время высыпался. Понимая, что больше не уснет, Егор отставил нетронутый стакан с водой и достал из холодильника банку холодного пива. Подошел к окну и долго стоял и любовался ночной красавицей Москвой, не торопясь, мелкими глотками смакуя напиток.

«Надо бы съездить к предкам», – подумал Егор. Он всегда был очень близок с родителями, но работа никак не позволяла выкроить время для поездок в Сочи, куда они лет десять тому назад переехали из столицы. Произошло это после смерти бабушки по отцовской линии, которая оставила им в Сочи дом.

Папа Егора был в свое время военным переводчиком-арабистом, и семья успела пожить в разных странах. Именно он первым, когда тот был еще совсем ребенком, обратил внимание на необыкновенную способность сына к языкам. Егор самостоятельно, без каких-либо особых усилий, выучил английский, арабский, турецкий и сложный в обучении чеченский, мог сносно объясняться еще на нескольких других языках. И вдруг в шестнадцать лет легко поступил на мехмат университета и блестяще его окончил. Но неожиданно решил пойти в армию, чем очень удивил всех.

Еще большее удивление у окружающих вызвало его решение связать с военной службой и всю свою дальнейшую жизнь. Учитывая отличную физическую подготовку, ловкость, умение принимать правильные решения, системное образование и способности к языкам – его сразу определили в отряд специальных операций...

Потом в его жизнь ворвалась Ленка. Все, что было дальше, – это называется счастьем.

А познакомились они в самолете. Егор возвращался из отпуска. Ему, наконец, удалось провести его у родителей на Юге. Настроение было отличное. И отдохнул хорошо, и, главное, с предками пообщался.

Он занял свое место у окна. Удобно расположился, чтобы выспаться – почти до утра они сидели с отцом на веранде и обсуждали... что-то обсуждали. В соседнее с ним кресло села симпатичная девушка. Ее светлые волосы были собраны в хвост, на лице не было ни грамма косметики, огромные глаза цвета янтаря излучали тепло. И вообще, от нее исходило какое-то светлое сияние. Егор невольно залюбовался девушкой. Она крепко сжимала руки, держа их перед собой.

– Извините, понимаете, я очень, очень боюсь летать. Вы только не подумайте ничего плохого, но не могла бы я, если вам это не трудно, подержать вас за руку при взлете? – услышал он взволнованный голос.

– Чего?

– Я говорю, не могла...

– Да слышал я все! Значит, руку вот так сразу вам предложить? Ладно, держите, – буркнул Егор, поняв, что сон откладывается.

Девушка смутилась, и на ее хорошеньких, слегка пухловатых щечках появился нежный румянец. Бедняжка действительно сильно волновалась! Было видно, что ей на самом деле страшно. Смущаясь, она почти что вцепилась в протянутую ей руку. Не переставая, она о чем-то говорила. Егор вообще не любил лишние разговоры, а с незнакомцами – тем паче. Но его, как ни странно, не раздражала болтовня соседки. Еще через полчаса рука его была освобожден-

дена из приятного плена – девушка заснула. Голова спутницы упала ему на плечо и не давала заснуть, но почему-то ему совсем не хотелось ее убирать. Почти перед самой посадкой Егор, неожиданно даже для самого себя, попросил у Лены, так звали девушку, номер телефона. И через день позвонил ей. Они встретились и уже не расставались. А еще всего через три месяца – поженились.

Им было очень хорошо вместе, несмотря на совершенно разные характеры и вкусы. Ради нее Егор даже стал ходить в гости, в кино, на дни рождения, хоть и терпеть не мог подобных мероприятий.

Теперь Егор не любил возвращаться домой. Ему комфортнее было на базе или даже, как это ни парадоксально звучит, на задании, в ожидании смерти – своей или чужой. Дома все напоминало о Ленке. Прошло уже шесть лет, а он все никак не мог смириться с тем, что ее больше нет. Егор до сих пор винил себя за то, что позволил ей в тот день сесть за руль. Они были на дне рождения близкой подруги Лены. Все радовались и поздравляли Егора и его жену с наступающим счастливым событием – рождением первенца. Ленка весь вечер танцевала, смеялась. Несколько раз во время танца заставила его признаться ей в любви. Возвращаясь домой, жена попросилась сесть за руль. И он уступил! Лена довольно неплохо управляла машиной, но в тот проклятый вечер ее подрезал какой-то пьяный урод, и она просто не справилась с управлением на мокрой от дождя дороге. Машина на скорости въехала в придорожный столб. Самое ужасное для Егора было то, что на нем не было ни царапины, а Ленка и их неродившийся ребенок погибли на месте.

Егор долго и мучительно отходил от горя, ни с кем не общался, почти не выходил из дома. Потом, как сумасшедший, стал браться за самые трудные задания, как будто специально искал смерти. Конечно, человек – существо ко всему приспособляющееся, и рана со временем почти затянулась. Но семьи у него больше не было, он не мог об этом и подумать. Даже более-менее продолжительных отношений не желал. Так и жил бобылем.

База тренировок спецслужб

Рано утром Егор приехал на базу. Высокий, стройный, мускулистый, худощавый – он много времени уделял своей физической подготовке. Это позволяло меньше думать. А в его случае еще помогало выжить в сложные моменты и достичь необходимого результата. Ловкость и сила не раз спасали не только Егора, но и парней из его «связки», а также десятки заложников, случайных людей и так называемых объектов, нуждавшихся в прикрытии.

Согласно расписанию, сегодня у него был спарринг с давним знакомым, главным инструктором базы. Они сошлись в рукопашном бою, и, хотя схватка проходила почти на равных, Бычков, тот самый инструктор, чувствовал напряжение и усталость своего противника.

– Резче, резче выворачивай! Так ты дашь ему выгнуться, и удар пойдет по касательной! Работай, давай еще раз! На «вертушку» не уходи, не уходи на «вертушку»! Ван Даммом заделался, блин... Соберись уже!

Еще через какое-то время инструктор остановил схватку. Он сел на скамейку и с укором посмотрел на бойца.

– Егор! Что не так?! Ты не выкладываешься полностью. И глаза чего такие красные?

Ответить Егор не успел, так как в зал вошел старший офицер Воробьев. Заметив его, Бычков кивнул Егору.

– На сегодня все. Не вижу смысла продолжать. Попробуй отдохнуть, а лучше просто нормально выспаться!

– Попробую! – кисло улыбнулся Егор и, взяв полотенце, подошел к Воробьеву.

– Ну что, боец, к работе готов? – браво спросил его офицер.

Егор пытливо посмотрел в пронизательные глаза Воробьева.

– А что, есть сомнения в чьей-то готовности?! Я всегда готов! Как пионер.

– Знаю, знаю! Только ведь и я не слепой, Егор! После того случая с дагестанской девочкой тебя не узнать совсем. Я смотрел заключение медкомиссии – психолог тебе не по...

– Давай уже о деле, командир! – перебил его Егор, очень не любивший, когда Воробьев читал ему мораль о «психологическом состоянии бойца перед выполнением ответственного задания».

– Ладно, будь по-твоему. Давай выйдем, пройдемся. Ты иди одевайся, я на улице подожду, – предложил Воробьев, стирая с лица улыбку.

Через минут десять Егор, приняв наскоро душ, вышел из здания и просоединился к своему командиру.

База находилась в живописной зеленой зоне на берегу реки в ближнем Подмосковье и была окружена густым лиственным лесом. Казалось, что находишься в хорошем санатории. Они пошли по выложенной камнем дорожке сквозь березовую рощу. Старший офицер вдохнул полной грудью.

– Хорошо тут! Не то что в городе, дышать совсем нечем! И тишина!

Он достал из кармана леденцы, которые вроде как помогали ему забыть о сигаретах, и предложил Егору.

– И все-таки о том деле... Работа у нас такая. Пойми, ты сделал все правильно. А от ошибок никто не застрахован. А тут и ошибки-то никакой не было... Ну, так карта легла, что ли. Кто ж знал, что они девочку с собой возьмут! Не ты первый, как говорится. Понимаешь, тут такое дело. Я должен быть абсолютно уверен – в нужный момент ты не дрогнешь и дров не наломаешь.

Егор закинул голову и посмотрел вверх, мимо верхушек столетних сосен на весеннее небо, с его пробивающимися сквозь высокие облака лучами солнца. Ему был неприятен этот разговор. Он до конца застегнул молнию на куртке и пристально посмотрел в глаза Воробьеву.

– Можешь быть во мне уверен на все сто. Я знаю, о чем говорю. А что за дело, командир? Зачем приехал из загазованной столицы? Неужто воздухом подышать?

Воробьев слегка поморщился и провел рукой по густым русым волосам.

– Да если бы так! Дело действительно серьезное!

– У вас не серьезных не бывает! Не тяни резину...

– Егор, не борзей... Все подробности узнаешь сегодня в центре, материалы готовит второй отдел, ответственный Бирюков. Кратко скажу. Лететь придется уже сегодня, через Ливан, в Сирию. Точнее, в Кесаб. Слышал о таком?

– Северо-запад, у границы с Турцией?

– Так точно! – кивнул Воробьев. – Городишко небольшой, населен в основном христианами. Был... Там недавно пропали французы. Вот их вам и нужно будет найти. На сбор пять часов. Вылет гражданским рейсом из Домодедово в восемь вечера.

– Понятно, – кивнул Егор.

Воробьев прошел немного вперед и посмотрел на небо. Он резко обернулся и, немного помедлив, как бы подбирая слова, посмотрел на Егора.

– Задание важное и... сложное. Тяжелое, я бы сказал... Врать не буду. Шансов на его выполнение крайне мало, но это очень нужно сделать. Может, пафосно звучит, но это нужно стране. Не подведи! – серьезно сказал Воробьев, и они пошли дальше по аллее к административному зданию.

Ливан. Бейрут

На одной из тихих улиц Бейрута в районе Бурдж Хаммуд в маленьком кафе за столиком сидел немолодой солидный мужчина. На вид ему было лет шестьдесят – шестьдесят пять. Когда-то густые темные волосы теперь соседствовали с сединой, но сам он был довольно подтянут и выглядел неплохо. Мужчина был среднего роста, с волевым умным лицом и задумчи-

выми миндалевидными глазами. Он сидел у большого, во всю стену окна и мелкими глотками смаковал крепкий кофе, только что заваренный для него в джазве⁴. Мужчина негромко беседовал со своим старым другом Арташем, собственником кафе. Они вместе посмеялись над очередным анекдотом, со вкусом поведанным веселым хозяином. Анекдот ведь не каждый может рассказать, а у него это получалось замечательно, колоритно.

Других посетителей в это время в кафе не было. Арташ, извинившись перед гостем, ушел заниматься делами в подсобку. Вазген отпил глоточек ароматного напитка и с улыбкой проводил его взглядом. Внимание старика привлек черный джип с государственными номерами, который остановился на противоположной стороне улицы. Из него вышел военный в форме офицера контрразведки Генштаба ливанской армии и, посмотрев в сторону кафе, в нерешительности замер. Вазген улыбнулся и приветливо помахал ему рукой. Офицер не спеша стал переходить улицу, и по мере его приближения становилось понятно, что вести у него плохие. Вазген медленно поднялся навстречу офицеру и с окаменевшим лицом встретил бывшего подчиненного. Тот, стараясь не смотреть в глаза старика, сказал:

– Здравствуй, друг! Плохие новости из Кесаба.

– Кто? – глухим голосом спросил Вазген.

– Твой сын и его жена. Их детей не нашли. Но с ними была еще сестра твоей невестки, – опустив голову, тихо сказал военный.

Вазгену показалось, что вокруг пропали все звуки и мир остановился. В полной, звенящей тишине он только слышал эхо слов – «детей не нашли!».

– Что можно сделать для их поиска и спасения? – после продолжительной паузы глухим голосом спросил Вазген.

– Мы даже не знаем, живы ли они. Все в районе церкви полностью уничтожено. А ведь их дом находился совсем рядом. Прости, но шансов спастись у них не было.

– Шанс есть всегда! – почти закричал Вазген, и глаза его наполнились слезами. – Нужно просто их найти! Пока я не увижу тела внуков, я буду считать их живыми и буду искать. Ты слышишь меня?!

– Официально я ничем не могу помочь. Ты и сам это знаешь! Как бывший спецназовец, как твой соратник, как твой ученик, я... у меня... есть личные связи и может... Ты слышишь меня, Вазген?!

– Спасибо, Абу. Я все понял! – потухшим голосом заговорил старик. – Я слышу и скажу, если понадобится. Прости. Мне сейчас надо побыть одному и все как следует обдумать. Я буду их искать! Я все равно буду их искать! – как заклинание повторил он.

Вазген, мгновенно постаревший на несколько лет, опустил на стул и, запуская пальцы в густую шевелюру, обхватил голову руками. Офицер постоял немного и, похлопав своего товарища по плечу, медленно пошел к машине, понимая, что ничем не может ему помочь.

Москва

После подробного инструктажа в кабинете у командира, обсудив все детали предстоящей операции, прочитав и запомнив наизусть все необходимые данные, Егор на всякий случай позвонил всем парням из группы и уточнил время сбора.

Воробьев вышел проводить Егора до выхода из здания.

– Я очень на вас надеюсь, Егор. Ты не все знаешь... от твоих действий зависит многое. И главное, это очень нужно стране, иначе никто бы не стал рисковать вашими жизнями.

– Да, но шансов, что они еще живы, ты сам знаешь, крайне мало, – прямо сказал Егор.

⁴ Название «турки» в ряде стран Востока.

– Знаю! Тогда вам надо получить доказательства, что оба «двухсотые»⁵. И твердо об этом заявить. Чтобы больше не оставлять надежды на то, что они живы.

– Ясно! Николай Степанович, я только не понял, а почему мы в Бейрут летим? Разве не легче уйти на поиск с территории нашей базы в Хмеймиме? Было бы проще и с оружием, да и... вообще во всем.

– Ситуация в Сирии не простая для нас, ты, наверное, знаешь. Мы там давно, но сейчас сидим, считай, на птичьих правах. Центральное правительство почти потеряло контроль над севером и северо-западом страны. Наша база в кольце врагов и недружественных наблюдателей. Поверь, если вы уйдете на поиск оттуда, то вас сразу же засекут. И американцы, и оппозиционеры, и турки, и другие, кто только и ждет от нас каких-нибудь действий, чтобы устроить провокации. Сирийцы пока ведь еще толком не просили нас о помощи. Может, когда Асад поймет, что к чему, когда осознает, что все «друзья» с Запада кинули его, когда их всех хорошенько прищучат, может, тогда и вспомнит о старом друге с севера. А пока... имеем то, что имеем. Так что Бейрут на сегодняшний день – это самый оптимальный вариант для выдвижения в зону поиска французов. Что ж, тебе пора. Удачи!

Служебная машина должна была забрать ребят поочередно из разных районов Москвы. Последним на пути был Зомби. Он как раз и жил в одном из домов-башен в конце Каширки, почти перед МКАД.

– Эх, до чего же люблю я эти бесплатные путевки в санаторий! – широко улыбнулся Зомби, плюхась на сиденье микроавтобуса и пожимая руки Егору и Голиафу.

– Ну-ну! Вот тебе список всех обязательных процедур для поправки здоровья! – кивнул Егор, приглашая всех сесть поближе к нему.

Пока микроавтобус ехал в сторону Домодедово, командир инструктировал бойцов. Молодые люди с рюкзаками, одетые как туристы, внимательно, не перебивая, слушали Егора, запоминая каждое слово. Он говорил вполголоса, чтобы их не слышал водитель Василий, не отличавшийся ни умом, ни сообразительностью.

– Короче, наша цель – найти французов, которые работали в Сирии по линии Красного Креста. Брата и сестру, неких Сержа и Валери Праслофф. Подробное описание объектов и фотографии – в этой папке. Ознакомьтесь, до прохождения границы надо будет документы уничтожить.

– И чем же красавчики месье так отличились, что за ними такой эскорт отправляют? – поинтересовался Зомби, разглядывая фотографии и запоминая особые приметы.

– Они пропали четыре дня назад, после захвата боевиками города Кесаб, что на севере Сирии. Городок находится на границе с Турцией. Место исчезновения – район армянской церкви, квадрат поиска – 20 тысяч километров.

– Так это же просто... детская песочница! Небольшая! – засмеялся Голиаф.

– О! А я как-то был в Сирии, правда, очень давно, так меня там яблоками угощали и все приговаривали – кесабские! Лучшие в мире! – усмехнулся Зомби. – И еще мыло из лавра в подарок положили, тоже из Кесаба.

– Из чего мыло?! – не понял Голиаф.

– Из лавра, неуч! Дерево такое! Лавровый венок слышал?!

Егор бросил на обоих быстрый взгляд и чуть изменил тон:

– Все? Закончили? – выждав секунду, продолжил: – Они могут оказаться в руках у одной из десятков местных вооруженных группировок. Наша задача – если они живы, отбить их или выкупить. Если нет – надо вывезти тела или найти доказательства их смерти.

⁵ Мертвые (жарг.).

В машине повисла напряженная тишина. Голиаф откинулся на спинку сиденья и тревожно переглянулся с Зомби.

– Не хило! То есть, может, они и мертвы уже?! Зачем тогда рисковать? – удивленно спросил Зомби.

– Начальник, сколько дней прошло, а о них еще не «заявили»? Если нет, то они уже трупы! – уверенно добавил Голиаф, не понимая, как подобный факт не учли в штабе, когда отдавали такой приказ.

Егору было не просто продолжать. Он много лет работал с этими ребятами в самых горячих точках планеты, выполнял опасные задания. Любая совместная операция имела смысл, часто им самим не известный, но всегда важный. Каждая их жизнь могла спасти десятки и сотни жизней других людей. А здесь?! Надо было объяснить этим парням, зачем им надо рисковать, быть убитыми ради нахождения доказательств смерти каких-то двух неизвестных французов.

Егор посмотрел в глаза обоим бойцам. За любого из них он, не задумываясь, отдал бы свою жизнь. Егор вдруг вспомнил их самую первую встречу. Тогда группу должны были отправить на Северный Кавказ для поимки опасного террориста. В комнату первым вошел огромный библейский великан с собранными в маленький хвост темными волосами. Красоту свою он, видимо, унаследовал от древних предков, хотя земляки его и не отличались таким высоким ростом.

– Знакомься, Егор. Твой стрелок лейтенант Каха Габуня, – представил первого майор Потапов.

– Меня все Голиафом кличут, – протянул огромную руку великан.

Позже он рассказал, что прозвище свое получил еще в детстве, в то время он не отличался богатырским телосложением, был худеньким, долговязым, болезненным пареньком.

– А это, разреши представить, твой связист – лейтенант Александр Вайс, – подмигнул вошедшему майор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.